

Гипертемические личности

Гипертимический темперамент, резкая степень проявления которого носит название гипоманиакального состояния, хорошо известен в психиатрии. Как и при маниях, правда, в несколько смягченной форме, приподнятое настроение сочетается при этом с жаждой деятельности, повышенной словоохотливостью и с тенденцией постоянно отклоняться от темы разговора, что иногда приводит к скачке мыслей. Гипертимическая акцентуация личности не всегда чревата отрицательными последствиями, она может благотворно влиять на весь уклад жизни человека.

Гипертимические натуры всегда смотрят на жизнь оптимистически, без особого труда преодолевают грусть, вообще им нетрудно жить на свете. Благодаря усиленной жажде деятельности, они достигают производственных и творческих успехов, Жажда деятельности стимулирует у них инициативу, постоянно толкает их на поиск нового. Отклонение от главной мысли порождает множество неожиданных ассоциаций, идей, что также благоприятствует активному творческому мышлению. В обществе гипертимические личности являются блестящими собеседниками, постоянно находятся в центре внимания, всех развлекают. Они способны говорить и рассказывать без конца, только бы их слушали. Такие люди не могут наскучить, с ними интересно, они пересыпают свою речь прибаутками, остротами и никогда долго не задерживаются на одной теме.

Однако если донный темперамент выражен слишком ярко, положительный прогноз снимается. Безоблачная веселость, чрезмерная живость таят в себе опасность, ибо такие люди шутя проходят мимо событий, к которым следовало бы отнестись серьезно. У них постоянно наблюдаются нарушения этических норм, поскольку они в определенные моменты как бы утрачивают и чувство долга, и способность к раскаянию. Ярко выраженный гипоманиак легкомысленно ставит на карту свой авторитет, нередко рискует потерять имущество, пускаясь в сомнительные предприятия. Чрезмерная жажда деятельности превращается в бесплодное разбрасывание, человек за многое берется и ничего не доводит до конца. Богатство идей в подобных случаях превращается в пустое прожектерство.

Чрезмерная веселость может переходить в раздражительность. Если такие переходы резко выражены и наблюдаются часто, это наводит на мысль о паранойяльном компоненте, о чем речь будет ниже.

Доля психической вовлеченности гипертимического темперамента в область мыслей, чувств и волевых проявлений не всегда одинакова. Иногда в человеке прежде всего бросается в глаза беспечная веселость, иногда она отступает перед безудержной разговорчивостью, в некоторых случаях мышление, ни на чем не задерживаясь, перескакивает с одной идеи на другую. Однако всегда в большей или меньшей степени наблюдаются все три признака одновременно, представляя единство, подобно тому как это бывает при мании. Иногда удается прямо доказать, что гипертимический темперамент представляет собой не что иное, как некое "разбавление" мании. Иногда выраженная мания может обнаружиться либо у самого обследуемого, либо у одного из его родственников.

В целом гипертимический темперамент отнюдь не обязательно связан с манией. При сравнительно легких проявлениях он представляет собой нормальный вариант акцентуации человеческой личности.

Приведу описание двух обследуемых, сделанное Унгер в нашем коллективном труде. У первой обследуемой повышенная активность, обусловленная гипертимическим темпераментом, сказалась на течении ее жизни положительно.

Элизабет Н., 1911 г. рожд. Отец весьма контактен, популярен в обществе. Он занимал высокий служебный пост, обладал прекрасным голосом, часто пел. Не терпел несправедливого отношения к людям.

Мать из семьи сектантов, очень религиозна. После смерти мужа отказалась от брака с любимым человеком, так как он был другого вероисповедания. Отличалась, как и муж, юмором, любила петь. Сестра Н. также исключительно живая и энергичная девушка. По словам Н., сестру все "безумно" любят и жаждут попасть к ней на вечеринки, где бывает на редкость весело.

О себе Н. говорит, что ее воспитание противоречило ее природному складу. Она была бойкой, жизнерадостной девочкой, но, обучаясь в монастырской школе, стала религиозной фанатичкой, впрочем, еще будучи подростком, Н. интересовалась философией религии. Все годы проучилась добросовестно, окончила школу с отличием, получила диплом учительницы начальной школы. Вскоре поступила на философско-теологический факультет, здесь также была хорошей студенткой. Одновременно успешно работала учительницей, любила детей. Последнее

обстоятельство отразилось и на выборе мужа: она вышла замуж за вдовца, жена которого умерла во время родов. Н. твердо решила заменить младенцу мать. Придя к заключению, что муж ее, музыковед, - выдающийся талант, она взялась пропагандировать его музыкальные теории, налаживая повсеместно необходимые контакты. В трех университетах добилась курса лекций для мужа, типичного ученого, не умеющего постоять за себя. Н. совершала бесконечные поездки, вояремя которых знакомилась с различными музыковедами, объясняя им теории мужа. После войны она вела переговоры с английскими оккупационными войсками, добилась выделения суммы в 4000 марок на расходы по исследовательской работе в области теории музыки.

Н. наладила связи с известными музыкальными критиками, организовывая их отзывы на работы мужа, публикации в прессе. Н. добилась даже того, что известный физик Гейзенберг подтвердил правильность математических формул в теоретических работах ее мужа. Сам супруг очень верно охарактеризовал свою жену: "Не могу представить себе ни одного человека, ни одного учреждения, которые не капитулировали бы перед тобой".

Налаживая обширные контакты в области музыки, Н. познакомилась со множеством интересных людей, с некоторыми из них дружба продолжается и по сей день. Дружеские отношения наладились у Н. с одним писателем, для которого беседы с нею были важным стимулом в его творческой работе. Он даже говорил ей: "Мои произведения - твои произведения, ведь импульсы к ним исходят от тебя". Н. говорила нам, что дружба у нее завязывается преимущественно с людьми, которых надо "активизировать", за которых нужно принимать решения; этих людей она заражает оптимизмом и поддерживает в них мужество.

Мы познакомились с Н. через ее пасынка, поступившего к нам в стационар по поводу шизофрении. В вопросах лечения сына Н. проявляла такую же напористость, как и при пропаганде искусствоведческих теорий мужа. Она изучила большое количество специальных работ по психиатрии, собрала обширную информацию обо всех когда-либо существовавших способах лечения шизофрении и предлагала их лечащим врачам сына. Н. исходила из того, что еще не все возможности терапии исчерпаны. Скептическое отношение врачей ее не смущало. Всякий новый метод, заявляла она, сначала принимают в штыки, но в конечном итоге кто-то все же дерзает и вводит его. Н. добралась до известного профессора в Будапеште и добилась из первых рук сведений о новейших данных по лечению шизофрении.

Во время наших многочисленных бесед Н. была слишком многословна, охотно

переходила на личные темы, не связанные с сыном, говорила обо всем остроумно, с массой иронических замечаний. Если же мы просили ее сосредоточиться на какой-либо одной теме, она говорила кратко и конкретно. Настроение у Н. всегда было приподнятое, она охотно переводила разговор на веселые темы, сама при этом от души хохотала и просила приглашать ее почаще, чтобы выговориться и посмеяться. Рассказы Н. всегда сопровождала оживленной мимикой и жестикуляцией. Свою жизнь Н. стремилась строить по принципу: "Пережить как можно больше - в этом богатство жизни".

Спустя некоторое время сын Н. умер (острый инфаркт миокарда). Смерть сына была для нее большим горем. Несмотря на свой гипертимический темперамент, Н. была глубоко потрясена. Она все допытывалась у нас, не было ли в чем упущения, страдал ли он перед кончиной.

Перед нами женщина, которая уже в детстве проявляла исключительную активность, сделала много добра мужу и друзьям. Благодаря своей неутомимой энергии, она умела стать твердой опорой в жизни слабых людей. Она горячо заботилась и о сыне, до самой его смерти не теряла надежды на излечение его тяжелого недуга. Живость, словоохотливость, жизнерадостный нрав (лишь смерть сына погрузила Н. в состояние глубокого угнетения) также свидетельствуют о том, что личность Элизабет Н. - типично гипертимическая.

Вторая обследуемая обладает теми же особенностями темперамента, что и Н., однако они достигают у нее степени гипоманиакальной психопатии. Отрицательные проявления у нее резко преобладают.

Анна В., 1898 г. рожд. Отец был веселым, жизнерадостным, находчивым человеком, любил выпить, всегда умел быть душой общества. Много работал, постоянно брал разные приработки. Мать в юности любила петь, танцевать, но она не обладала способностью сеять вокруг себя веселье, к тому же была обидчива. Дедушка В. по отцу тоже отличался жизнерадостностью, был заядлым рассказчиком, слыл остряком, пользовался всеобщей любовью в рабочем коллективе. Сестра матери была женщиной веселой, очень смешливой, в общество всегда вносила живую струю.

В. пошла в школу в 8 лет (в связи с рахитом), училась хорошо. После окончания школы работала на кухне одного трактира, помогала жене владельца обслуживать гостей. За

любую работу бралась охотно и уверенно, но работа на фабрике (сначала папиросной, затем по изготовлению мешков) у нее не спорилась. В. объясняет это так: "Мне нужна работа самостоятельная, я люблю работать по обслуживанию людей". Пыталась устроиться домработницей, снова работать в трактирах, но все это было не по ней: долго на этих местах она не могла выдержать.

И вот, наконец, В. нашла подходящее поле деятельности. Она приобретает патент на "торговлю разного рода товарами". Этот патент не связывал ее со специализацией товаров, и В. торговала товарами весьма разнообразного ассортимента. Одно время продавала мороженое, пристроившись между торговцами подтяжек и раков. Когда ее коллеги уходили "пропустить рюмочку", она не только следила за их товаром, но и успешно рекламировала его: "Такая уж у меня натура, я - женщина многосторонняя". Торговала редькой "для пьяных и полупьяных". Затем она организовала игру в кости, во время которой бойко торговала угрями: "Чем больше очков - тем толще угорь!" Некоторое время ходила с нагрудным лотком, торговала в ресторане - конфетами, печеньем, конфитюром. Начальник считал ее самой боевой продавщицей.

Торговала она и цветами на танцплощадках. Цена за букетик была стандартная - 2,5 марки: "Все равно выходило по 3 марки - не потребует же приличный мужчина 50 пфеннигов сдачи!" Мужчинам на танцплощадке охотно раздавала советы - с кем из девушек стоит, а с кем не стоит "связываться всерьез". Шутки были ее подлинной стихией, за шутки и веселый нрав она всегда получала много чаевых. Тем не менее В. вела настоящую трудовую жизнь; уже в 4 ч 45 мин она приходила на рынок, чтобы оптом закупить цветы, затем целый день вязала букетики.

Через некоторое время В. стала торговать газетами, сначала в ресторанах ("там больше дают чаевых"), затем на центральном вокзале, где ее вскоре все уже хорошо знали: она не могла не привлечь внимания своими остроумными выкриками о новостях дня и находчивыми ответами. Вечером, по окончании рабочего дня, вокруг нее собирались служащие, здесь всегда стоял хохот: остроты текли несмолкаемым потоком. Люди, смеясь, жаловались, что из-за нее "пропускают последний поезд". В. стала своего рода знаменитостью, по радио о ней передали репортаж под названием "Берлинская оригиналка". Она стала лучшей продавщицей газет столицы. К этой профессии она привлекла своего мужа, но отзывалась о нем с пренебрежением: "Он для нашего дела не годился, оборот у него был никудышный!"

Насколько В. была словоохотлива, рассказывая о своих профессиях и заработках, настолько же сдержанно она говорила о своей личной жизни, в которой ей не очень-то

везло. Она была замужем три раза. Первый раз вышла замуж в 21 год. Этого мужа называла "молотобойцем", так как он, когда бывал пьян, из ревности, к которой "в общем-то не было оснований", бил ее молотком. За 4 года брака (через 4 года В. развелась) родила четверых детей, но все они, кроме последнего, умирали вскоре после родов в детдомах, куда она вынуждена была их отдавать, ибо "муж хотел делать детей, но не хотел их иметь".

Второго мужа (второй брак в 37 лет) она называла "выпивохой", он также нещадно бил В. и ей часто приходилось среди ночи уходить из дому, спасаясь от него бегством, и слоняться по улицам, "как проститутке какой-нибудь". Через три года она развелась и со вторым мужем: "Я была рада-радешенька, что от него избавилась. Прокормить я и сама себя прокормлю". Третий брак состоялся, когда ей было 57 лет. Муж умер через три месяца. Она его любила и искренне оплакивала.

После потери мужа В. стала глушить тоску алкоголем, в клинику поступила с явлениями пределирия. Когда ее называли "алкоголичкой", она резко возражала. "Я всегда умеренно выпивала, какой же лоточник не пьет хоть немного?" - говорила она. Мы спросили, не думает ли она еще раз вступить в брак. В. ответила, что последнего мужа ей не забыть. Тут же она заметила, что этот вопрос ее мало волнует, так как "найти партнера" для нее не проблема.

Во время частых обследований в клинике В. всегда была в приподнятом настроении, словоохотлива, речь пересылала остротами. Со своим врачом она здоровалась, как с хорошей знакомой. Если в комнате кроме лечащего врача присутствовал еще кто-нибудь, она немедленно вступала с этим лицом в контакт, шутила, оживленно разговаривала. Беседа врачей с ней обычно тянулась очень долго, только первое предложение В. прямо касалось поставленного вопроса, после чего она перескакивала на информацию, имевшую весьма отдаленную связь с затронутой темой.

Мы продолжали наблюдать В. и после выписки из клиники. Пока она не пила, она была вполне активной работницей, хорошо справлявшейся с порученным делом. Мы предложили ей работу уборщицы в клинике. Вскоре ее все здесь знали, так как она с каждым вступала в беседу. Рецидивы наступали постоянно, и тогда В. не выходила на работу, валялась в пьяном виде дома. Мы в этих случаях вновь помещали ее в клинику на излечение, что она всегда считала необоснованным, поскольку алкоголиком себя так никогда и не признала.

Однажды ее нашли дома мертвой. Ей было 68 лет. Накануне она много пила, причиной смерти была острая недостаточность сердца.

В семье В. были гипертемические личности. Сама В. обладала ярко выраженными гипертемическими чертами: была всегда весела, находчива, искусна в обхождении с людьми, но и деловита. Ее постоянные уклонения в сторону от темы заставляют предположить наличие скачки идей. Торможения морального порядка для нее не были характерны, но все же она старалась скрыть свои сексуальные похождения. В. не сумела воспитать своего единственного ребенка (он воспитывался в детдоме), и дело здесь не только и не столько в недостаточном чувстве материнской любви - она в общем с теплотой вспоминала о детях. Вероятнее всего, несерьезное отношение к детям объяснялось общим отсутствием сосредоточенности, полным неумением жить целеустремленно. Еще до того как В. начала пить, она не могла приспособиться к социальным рамкам, к тем требованиям, которые предъявляет жизнь к нормальным людям. В. почти непрерывно меняла род занятий, трудовых достижений у нее фактически нет.

Злоупотреблять спиртным В. начала из-за своей феноменальной беспечности, безответственности. В какой-то мере это было связано и с тем, что обстоятельства жизни В. постоянно толкали ее к рюмке.

Автор - Карл Леонгард "Акцентуированные личности"